

Научная статья

Научная специальность

5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки»

5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

УДК 340.1

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.1.33>

ЭСТОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКИ ЯПОНИИ

© Юрковский А. В., 2024

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
Иркутск, Россия

Продолжается исследование проблем конституционно-правового регулирования с применением эстологических методов. Рассматриваются происхождение, развитие и действие конституционно-правового статуса государственной символики Японии (эстологическое исследование одного из институтов конституционного права Японии). В научный оборот внедряются эмпирические материалы и аутентичные документы (источники права, акты толкования права, акты реализации и применения права) Японии. Эстологическому исследованию подвергаются конклюдентные конституционно-правовые нормы, обладающие значительными признаками юридико-лингвистической неопределенности. На основе изучения закономерностей существования интересов в конституционном праве и интересов конституционно-правового регулирования в Японии, синтезируются выводы о значении и содержании государственной символики, ее юридико-технических особенностях. В результате проведенного исследования обнаруживается присутствие феноменологии интересов конституционно-правового регулирования. Подтверждается гипотеза о том, что интересы правового регулирования отличаются от политических интересов субъектов конституционного права.

Ключевые слова: эстология, эстологическое исследование, методология исследования, механизм государственной власти, механизм правового регулирования, политическая система, ценность, интерес, субъект конституционно-правовых отношений, объекты интересов конституционно-правового регулирования, государственная символика, флаг, герб, гимн, император, Япония.

ESTOLOGICAL STUDY OF THE STATE SYMBOLS OF JAPAN

© Yurkovsky A. V., 2024

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation

The study of problems of constitutional and legal regulation using estological methods continues. The origin, development and operation of the constitutional and legal status of the state symbols of Japan is considered (an estological study of one of the institutions of Japanese constitutional law). Empirical materials and authentic documents (sources of law, acts of interpretation of law, acts of implementation and application of law) of Japan are introduced into scientific circulation. Conclusive constitutional and legal norms that have significant signs of legal and linguistic uncertainty are subject to esthological research. Based on the study of the patterns of existence of interests in constitutional law and the interests of constitutional legal regulation in Japan, conclusions are synthesized about the meaning and content of state symbols, its legal and technical features. As a result of the study, the presence of a phenomenology of interests of constitutional and legal regulation is revealed. The hypothesis is confirmed that the interests of legal regulation differ from the political interests of subjects of constitutional law.

Key words: estology, estological research, research methodology, mechanism of state power, mechanism of legal regulation, political system, value, interest, subject of constitutional and legal relations, objects of interest of constitutional and legal regulation, state symbols, flag, coat of arms, anthem, Emperor, Japan.

Актуальность эстологического направления аксиологических исследований взаимосвязей конституционных ценностей, фиксируемых в конклюдентных нормах конституционного права Японии, нормах-символах Японии, не вызывает сомнения.

Государственная символика Японии является объектом конституционно-правового регулирования, частью правовой материи, институтом конституционного права Японии.

Государственная символика Японии представляет собой особую форму проявления со-

знательной, мыслительной человеческой деятельности, результат работы человеческого сознания.

С точки зрения юридической техники, по нашему мнению, государственная символика Японии проявляется с применением такой разновидности способов изложения правовых предписаний, как фикция.

Поскольку фикция предполагает абстрактное, вымышленное представление о предполагаемой объективной реальности, государственная символика Японии, регламентируемая нормами конституционного права Японии, является мифологизированным представлением японцев, характеризующим диалектически необходимые категории бытия японского государства, его конституционно-правовой политики.

Для японского народа государственная символика, регламентированная в нормах конституционного права, является подлинной необходимостью, где миф не рассматривается как вымысел, а, наоборот, представляет собой уникальный инструмент правового регулирования.

Благодаря внутренней логике этнических, народных, национальных мифов, современными исследователями, представляющими различные сферы гуманитарной науки, тщательно изучен феномен образования символов и наделения их определенным смыслом. В соответствующей работе принимают участие такие отрасли знания, как этнология, антропология, этнолингвистика, социальная психология, культурология и другие науки. Основа философской концепции, связанной с пониманием символов в языке, речи, текстах и их структурах, а также с социально-философскими исследованиями человеческих отношений, форм и типов общественного сознания, отражена в работах известнейших ученых, среди которых можно назвать таких авторов, как Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, М. Мосс, Э. Кассирер, И. Г. Франк-Каменецкий, О. М. Фрейденберг, М. М. Бахтин, Г. Г. Шпет, Я. Э. Голосовкер, К. Г. Юнг, К. Леви-Стросс и другие. Безусловно, наработки перечисленных авторов должны быть положены в методологическую основу исследования государственных символов Японии, оценки их социального и правового значения, их формального и фактического конституционно-правового статуса.

Эстонологическое исследование представляет собой частную научную авторскую методику, которая рассматривается как разновидность

аксиологического познавательного инструментария, направленного на изучение субъектов конституционного права, субъектов, участвующих в формировании и функционировании механизма правового регулирования и механизма государственной власти, чьи интересы в процессе политической борьбы легализовались в нормах позитивного конституционного права в виде конклюдентных норм о государственных символах Японии.

Субъекты и их интересы, легализованные в конституционном праве Японии, индивидуализируют специфику объективной правовой и управленческой действительности Японии, определяя ее уникальные очертания и проявления.

Помимо эстонологического метода в предлагаемом исследовании использовались такие методологические инструменты, как кибернетические приемы (методы контент-анализа), при помощи которых был обнаружен оригинальный текст Конституции Японии (тексты других источников права, актов толкования, реализации и применения права) на одном из официальных сайтов Японии, и метод юридической компаративистской лингвистики, предназначенный для адекватного перевода текста на русский язык и соотнесения японской и российской юридической терминологии и понятийного аппарата.

Основой эмпирического материала служили труды отечественных и иностранных ученых по обозначенной теме исследования в современной юридической, политической и исторической науке, публикации в периодических и специализированных изданиях, материалы научно-практических конференций и семинаров. При проведении исследования производились сбор, оценка, обобщение и анализ информации, опубликованной различными средствами массовой информации, исследовательскими агентствами, специализирующимися на обработке и распространении статистических данных в области генезиса правовой политики Японии.

В процессе работы применялись и стандартные методы юридических исследований, например методы сравнительного государственоведения, сравнительного правоведения, а также общенаучные методы – научной абстракции, анализа, синтеза, сочетания исторического и логического подходов, теоретического обобщения и прогнозирования, юридического моделирования и др.

Эстонологическому исследованию подвергались такие источники права, как Конституция

Японии 日本国憲法¹, Закон Японии «О национальных флагах и гимнах» (Одиннадцатый закон Хэйсэй, Основная политика в области национальной обороны (принято Советом национальной обороны и Кабинетом министров 20 мая 1957 г.)², Закон Японии «Об общенациональном референдуме»³, Закон Японии «О выборах на государственные должности» (Закон № 100 Сева 25 года 4 месяца 15 дня)⁴, Закон Японии «О местном самоуправлении» (Закон № 67 Сева 22 года 4 месяца 17 дня)⁵, Закон Японии «О специальных мерах, связанных с возвращением Окинавы» (Закон № 129 Сева 46 года 12 месяца 31 дня)⁶ и другие источники права, а также акты толкования, реализации и применения права. Всего было исследовано более пятидесяти юридических документов.

Конституция Японии в своем тексте упоминает только один государственный символ. Таким символом является император Японии.

Образ императора Японии с древних времен для японцев удовлетворяет интерес в визуализации феномена государственной власти, наделенного знаковостью и смыслом. Символизм императора предопределен надежностью регулятивного воздействия таких инструментов воздействия на сознание людей, как легенды, мифы и предрассудки.

При помощи легенд и мифов детерминируются божественные свойства императора и основания Японской империи. Согласно мифологии Тэнноо, Небесный император является представителем уникальной, неоспоримой, неизменной и единой императорской династии, который должен царствовать и управлять страной до тех пор, пока будут существовать небо и земля.

Опираясь на исследования японской мифологии периода с 661 г. до н. э. до начала н. э.,

Накамура Кооя цитирует следующую интерпретацию реализации потребности японцев в визуальном представлении государства, государственной власти, его правовой политики: «Императорский Дом и японский народ свято чтят свою прародительницу Аматаэрасу-Оомиками. Согласно японской мифологии, Великая Богиня, пребывающая в Равнине Высоких Небес, или Такама-но-хара, дала своему внуку, принцу Ниниги, следующий завет: “Обильная земля тростниковых равнин есть та страна, которой наши потомки должны управлять как монархи. Поэтому, царствовавший внук, иди и управляй ею. Да сопутствует тебе счастье! Да будет наша Императорская Династия существовать и благоденствовать так же вечно, как небо и земля!”» [10, с. 7].

Современные исследователи полагают, что правящая императорская династия, сформировавшись, не прерывалась порядка полутора тысяч лет. Кроме того, император, его семья, дом, клан, род не имеют фамилии. Это вообще единственный факт не только в Японии, но и в мире.

С момента образования императорского института власти, особенно в эпоху Мэйдзи, сформировалась особая национальная культура, культ императора, развиваемый национальной элитой и основанный на религиозном синтоистском мировоззрении (религии синто), который аккумулировал чувство единства японского народа, воздающего почтение предкам как богам, достойным поклонения.

В различных исследованиях феноменологии японской монархической власти в целом присутствует единодушное мнение о ее специфической, абсолютной природе. Существует значительное количество исследований эволюции политической и правовой системы Японии, к разряду которых можно отнести работы выдающихся отечественных востоковедов – Д. П. Бугаевой, М. В. Воробьева, Т. П. Григорьевой, Л. Д. Гришелевой, А. А. Долина, Г. Д. Ивановой, Н. И. Конрада, Ю. Д. Кузнецова, А. Н. Курицына, И. А. Латышева, Н. Ф. Лещенко, А. Н. Мещерякова, В. Т. Нанивской, Г. И. Подпаловой, К. А. Попова, Я. Б. Радугль-Затуловского, Г. Е. Светлова, Н. И. Легодарь.

Провозглашение божественной природы власти является основой синтоизма, на основе данной религии формируется идеология «кокутай» (тело государства), где император олицетворяет собой божественную природу человека. Представленный тезис фигурирует в работах разных поколений японских правове-

¹ Официальный сайт палаты представителей Парламента Японии // URL: <https://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm> (дата обращения: 06.01.2024). Режим доступа: свободный.

² Основная политика в области национальной обороны (Принято Советом национальной обороны и Кабинетом министров 20 мая 1957 года) // URL: https://www.mod.go.jp/en/d_act/d_policy/index.html (дата обращения: 06.01.2024). Режим доступа: свободный.

³ Закон Японии «Об общенациональном референдуме» // URL: <https://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm> (дата обращения: 06.01.2024). Режим доступа: свободный.

⁴ Закон Японии «О выборах на государственные должности» (Закон № 100 от 25 года Сева 4 месяца 15 дня). URL: <https://www.shugiin.go.jp/internet/index.nsf/html/index.htm> (дата обращения: 06.01.2024). Режим доступа: свободный

⁵ Закон Японии «О местном самоуправлении» (Сева 22 года 4 месяца 17 дня Закон № 67) // URL: <https://hourei.ndl.go.jp/#/> (дата обращения: 06.01.2024). Режим доступа: свободный.

⁶ Закон Японии «О специальных мерах, связанных с возвращением Окинавы» (Закон № 129, Сева 46 год 12 месяц 31 день – <https://hourei.ndl.go.jp/#/>) (дата обращения: 06.01.2024). Режим доступа: свободный.

дов, например таких как Кондо Ёсики, Такигава Масадзиро, Согабэ Сидзуо, Исихара Масааки, Иноуэ Мицусада, Сэки Акира, Цутида Наосигэ, Аоки Кадзуо.

Повторяемая от поколения к поколению, с сохранением признаков аутентичного единообразия и универсальности национальная традиция утверждает незыблемую ценность императорской власти и предполагает реализацию такого интереса правового регулирования, который неразрывно связан с безусловной массовой поддержкой принципа отсутствия сомнений в том, что в императорах живут боги, которые руководят всей их деятельностью.

Данная традиция, особым образом понимаемая восточным японским обществом, была подвержена ревизии, переосмыслению и изменению с точки зрения самоидентификации представлений о предназначении императора 11 февраля 1889 г., когда была принята первая Конституция Японии.

К разработке конституции приложил немало усилий Томоми Ивакура – один из министров императорского двора. В 1871–1873 гг. он совершал поездку по странам Европы и США, подготавливая и заключая договоры по торговле и сотрудничеству. Японская делегация очень внимательно ознакомилась с государственными учреждениями, культурой, промышленностью развитых стран. Во время турне на министра наибольшее впечатление произвела Пруссия с ее сильной императорской властью, «карманным» парламентом, государственным протекционизмом и активной ролью государства в развитии промышленности [4].

Конституционные преобразования эпохи Мэйдзи внутри страны воспринимались неоднозначно. Реформы 1868–1889 гг. с точки зрения традиции предполагали диаметрально противоположное представление о природе и феноменологии абсолютизма государственной власти. Восточное и западное представления о свойствах и предназначении власти отличаются.

В Японии возник когнитивный диссонанс между западным и восточным представлениями о власти и ее механизме.

Прозападное представление о реформах в Японии логически обосновывалось тем, что все слои общества, в том числе и военное сословие, были заинтересованы в росте экономики страны.

Однако с точки зрения аутентичной традиции состояние экономики, как и объективной реальности в целом, не может и не должно вли-

ять на природу власти и менять ее ценности и предназначение. Согласно традиции императорская власть сопоставима с Абсолютом, который, в свою очередь, связан с бездействием, невмешательством в природу бытия.

Иными словами, с точки зрения аутентичной традиции император Японии должен царствовать, но не править, и именно в этом заключается сакрализация абсолютной власти.

Функции по реальному позитивно-правовому регулированию и государственному управлению осуществляются особыми сословиями (самураи и крупные землевладельцы), которые конкурируют друг с другом, добываясь тех или иных преимуществ в конкурентной борьбе, но результаты данной конкуренции никак не способны быть сопоставимыми с абсолютизмом бездействия императора Японии. Такой нарратив во многом не понятен для западного типа мышления.

Поэтому реформы Мэйдзи, направленные на вовлечение императора в реальное активное государственное управление и позитивно-правовое регулирование, столкнулись с противоречием ценностного понимания природы абсолютизма по принципу бездействия.

Новое правительство пыталось сохранить феодальные порядки, но нависшая угроза захвата Японии западными странами обусловила приход новых капиталистических порядков, гарантировавших рост влияния и независимости Японии. Для дальнейшего развития страны было необходимо проведение реформ, которые были осуществлены в 1868–1873 гг. [16].

Император как культурный и государственный символ, по нашему мнению, является отождествлением национального, массового религиозно-мировоззренческого восприятия окружающей действительности.

Культурное наследие, представленное в форме религиозных и нерелигиозных институтов, выступает той связующей нитью этноса, нации и государства, благодаря которым строится и функционирует идентичность, лежащая в основе персонификации народа, позволяющая ему осознавать себя субъектом мировой истории. В свою очередь, этнонациональная идентичность, заданная в том числе и представлениями о духовно-религиозном единстве, является базисом государственного строительства и основой государственной политики в сфере национальной безопасности. Поэтому представления об институциональной форме социально-культурного воспроизводства и культурном насле-

дии народа фиксируются в немалой степени в представлениях о религиозной принадлежности личности [9].

Культурный компонент политической системы Японии складывается под влиянием двух конгломератов ценностей и представляет собой их уникальный сплав и результат приобретенного опыта.

С одной стороны, на становление политической системы Японии свое влияние оказали традиционные дальневосточные ценности, в том числе транскультурная национальная религия синтоизм.

С другой стороны, после поражения Японии во Второй мировой войне на развитие культуры этой страны очень сильно повлияли западные культурные ценности [14, с. 51], в частности либерализм, который, в свою очередь, методологически очень схож с синтоизмом в толерантности к разнообразным формам реализации свободы совести.

Согласно действующей Конституции Японии император Японии – символ государства и единства нации, «статус Императора определяется общей волей народа, которому принадлежит суверенная власть» (ст. 1 Конституции Японии).

Император проводит только акты, касающиеся государственных дел и закрепленные Конституцией, и не может осуществлять власть над правительством.

По нашему мнению, действующая Конституция Японии ближе к традиционному пониманию абсолютизма власти императора, чем Конституция Мэйдзи. Чем меньше у императора полномочий, тем более абсолютна и сакральна его власть.

Современный монархический строй Японии успешно адаптировался к когнитивному диссонансу между западным и японским представлениями о механизмах государственной власти и правового регулирования.

Институт императорской власти уже не является юридически оформленным центральным звеном политической системы (в бихевиористском ее понимании). Тем не менее император Японии по-прежнему занимает важное место в обществе, что обусловлено позитивным отношением японского народа к императорской династии как особому элементу национальной истории и культуры.

Формально император не связан ни с одной из религий, по крайней мере, в современном законодательстве Японии соответствующие нор-

мы отсутствуют. Единственным исключением, которое, впрочем, при помощи расширительного способа толкования, по нашему мнению, можно трактовать двояко, является упоминание в ст. 7 действующей Конституции Японии того, что император «осуществляет церемониал».

Наиболее общее определение понятия «церемониал» встречается в школьном словаре иностранных слов: «Церемониал (от лат. Saeremonia – церемония, благоговение, почтение) – принятый торжественный порядок совершения чего-либо» [13, с. 189]. Предположение о двояком толковании рассматриваемого термина встречается в словаре иностранных слов под редакцией А. Н. Чудинова: «Церемониал – обычаи и приемы, принятые при религиозных, придворных или политических церемониях» [12].

Наиболее многозначно интересующее нас понятие рассматривает энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: «Церемониал (от слова: церемония – ряд действий или изъятий символического характера, традиционно обязательных в тех или других случаях общественной или религиозной жизни) – употребляется в тройном значении. В обширном смысле слова под церемониалом подразумевается весь комплекс традиционно обязательных обрядов и форм, регулирующих все сферы общественной и религиозной жизни. В более тесном смысле под церемониалом подразумеваются формы, регулирующие внешнее обращение людей между собою, все то, что в общежитии обыкновенно называется этикетом. Наконец, в общежитии под церемониалом понимают лишь порядок совершения церемоний, установленных для того или другого торжественного случая, например церемониал коронавания, погребения, венчания коронованных особ и т. п.» [Там же].

В любом случае мы можем предполагать, что император Японии в первую очередь ответственен за официальный государственный церемониал при выполнении представительских функций. Данный вывод вызывает наименьшее количество возражений. Другое предназначение императора – символизировать собственной персоной (нести церемониал в течение всей своей жизни) приверженность к пантеону божеств (ками), и в частности представлять продолжение рода богини Аматаэрасу-Оомиками.

Напомним, что в соответствии с действующей Конституцией Японии «свобода мысли и совести не должна нарушаться» (ст. 19). При этом ст. 20 Конституции Японии устанавливает, что «свобода религии гарантируется для всех.

Ни одна из религиозных организаций не должна получать от государства никаких привилегий и не может пользоваться политической властью. Никто не может быть принужден к участию в каких-либо религиозных актах, празднествах, церемониях или обрядах. Государство и его органы должны воздерживаться от осуществления религиозного обучения и какой-либо религиозной деятельности».

На первый взгляд, напрашивается вывод о предполагаемом противоречии между декларируемым принципом светского государства и религиозной природой монархической власти.

Однако можно сделать еще один неожиданный вывод о том, что плюралистическое отношение к религиозным верованиям – это не только принцип либерального, светского государства с политическим режимом, имеющим признаки демократического, а, наоборот, особая уловка зафиксировать специфику существовавшей в течение нескольких столетий особой, понимаемой исключительно японцами, национальной, государственной религии синтоизма.

Для японцев характерна поразительная толерантность к самым разным верованиям и религиям. На одной улице города могут соседствовать католическая церковь с буддийским храмом, синтоистское святилище со штаб-квартирой какой-нибудь секты. И это не вызывает трений как между прихожанами, так и между служителями культа [8].

После окончания Второй мировой войны синтоизм был лишен статуса государственной религии Японии. Все это не могло не ослабить влияния синто, да и других религий. Многие японцы стали причислять себя к атеистам. И для заезжих проповедников куда легче было считать японцев неверующими, чем принять возможность такого неправдоподобного смешения верований и богов. Впрочем, этот внешне упрощенный подход вряд ли отражает истинный характер религиозности японца. Оставаясь в душе пантеистами, многие японцы в силу прагматических взглядов на жизнь сводят практически на нет ритуалы общения с богами. Но это так же далеко от воинствующего атеизма, как и от фанатичной веры [8].

В конституционно-правовом плане Япония является светским государством. Однако фактически конституционные приоритеты Японии базируются на приоритете синтоистских верований, конфуцианстве, буддизме, даосизме и большом количестве китайских синкретических религий [3, с. 78–80].

Официальным знаком правящего императорского рода в Японии с давних времен и по сей день является символ, который не имеет формальной юридической регламентации, но выполняет функцию, равнозначную функции герба в европейских государствах. В качестве такого символа рассматривается цветок хризантемы и его графическое изображение (рис. 1).

Стилизованная в форме круга шестнадцатилепестковая хризантема с двойным рядом (официальное название такого цветка – 菊花紋章 киккамонсё – «герб в виде цветка хризантемы») является эмблемой императорского дома. Появление данного символа и его признание в качестве государственного отождествляется с императором Готоба периода Камакура (1183–1198). Именно этот правитель стал использовать данное изображение в качестве собственной печати. Традицию продолжили другие императоры периода Камакура, и, таким образом, по молчаливому согласию правителей хризантема получила статус священного символа императорского рода [10]. Официально юридическое признание шестнадцатилепестковая хризантема в качестве герба правящего императорского дома получила в 1869 г. приказом правительства Мэйдзи. В 1871 г. был издан указ, закрепивший привилегию императорского дома на использование символа, а лицам, не принадлежавшим императорскому роду, строго запрещалось пользоваться им [1]. Статья 14 действующей Конституции Японии устанавливает положение о том, что «все люди равны перед законом и не могут быть подвергнуты дискриминации в политическом, экономическом и социальном отношениях по мотивам расы, религии, пола, социального положения, а также происхождения». Поэтому в современной Японии не запрещается использовать государственную императорскую символику любым заинтересованным субъектам в целях, не противоречащих национальному законодательству. Следует отметить, что факт использования государственных символов, которые одновременно являются религиозными, неоднократно приводил к социальным и политическим конфликтам [7]. Во время Второй мировой войны хризантема активно использовалась как символ Великой японской империи.

Сейчас символическое изображение этого цветка используется в дипломатических учреждениях Японии, находящихся за границей (посольствах, консульствах). Орден Хризантемы является высшей государственной наградой страны. Изображение шестнадцатилепестковой

хризантемы, правда, с одним рядом, напечатано на обложке заграничных паспортов японцев (рис. 2) [5].

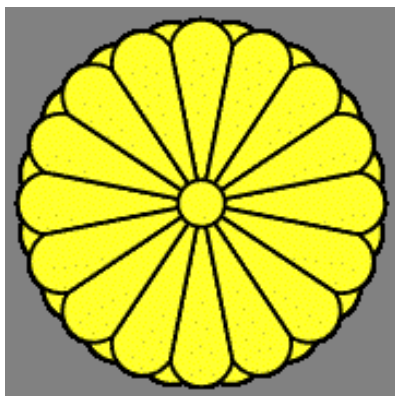

Рис. 1. Официальный знак правящего императорского рода в Японии

Рис. 2. Обложка заграничного паспорта японцев

В данном случае целесообразно поставить вопрос о существовании в Японии особого вида источников права, не имеющих признаков формальной определенности (по крайней мере, не всех признаков формальной определенности), а именно обычаев или традиций, санкционируемых государством посредством молчаливого признания. Сформулированную гипотезу отчасти подтверждают еще два государственных символа, получившие формальную определенность в виде нормативного правового акта, Закона о государственном флаге и государственном гимне, который был принят 13 августа 1999 г. Данный факт состоялся спустя более полувека после принятия действующей Конституции Японии. День принятия этого закона (13 августа) считается Днем государственного флага.

Влияние обычая видно даже в отношении к названию японского флага. Его официальное

название «государственный флаг» (日章旗 ниссёки) – точный перевод китайских иероглифов, и даже японская транскрипция не меняет самого названия флага, 日の丸, однако японцы называют флаг иначе – «солнечный круг» (хиномару) (рис. 3).

Прототип японского флага – красного круга на белом фоне – появился еще в период Хэйан (794–1185). Тогда он использовался на веерах военачальников (рис. 4).

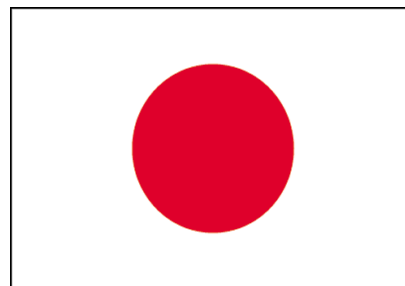

Рис. 3. Государственный флаг Японии

Рис. 4. Веер военачальника в период Хэйан

Считается, что военачальники ставили веера с изображением солнца на белом фоне позади своего войска, тем самым призывая силу солнца на свою сторону. Принятие хиномару в качестве официального символа страны связано, прежде всего, с отождествлением императора с солнцем [11]. Большое значение имеет сочетание цветов – алого и белого. В синтоизме алый цвет символизирует очистительную энергию огня и солнца. Кроме того, это цвет жизни. Белый цвет – цвет первозданной чистоты. Таким образом, сочетание алого и белого символизирует незапятнанную и счастливую жизнь, в достижении которой помогают синтоистские божества.

На выбор флага оказало влияние географическое положение страны. В Древнем Китае, который, по представлению его жителей, был «срединной империей», считалось, что Япония

находится на самом восточном краю земли и солнце приходит именно оттуда [2]. Такое же представление закрепилось и в самой Японии. Именно поэтому флаг стал олицетворением встающего солнца [15].

В современной Японии церемониал поднятия государственного флага, равно как и исполнения государственного гимна, воспринимается общественностью неоднозначно. Государство использует историческую память о войне, но не о той войне, которую Япония проиграла и военные преступники которой были осуждены международным военным трибуналом, а о той, в которой национальные герои Японии отдавали свои жизни за суверенитет и независимость своей Родины [6].

Очевидно, что проблема регламентации государственных символов в Японии имеет эмоциональный компонент, связанный с репрезентацией политических ценностей в политическом сознании нации, которое сегодня находится в стадии трансформации. Актуальные политические ценности Японии несут на себе отпечаток текущей ситуации, в то время как эмоциональное отношение к ценностям отражает более глубинные, фундаментальные и слабо изменяемые явления.

Очевидно, что поставленная проблема заслуживает особого исследования и обсуждения в контексте юридической компаративистики, с привлечением целого ряда других научных направлений. Тем не менее полагаем, что продемонстрированный материал уже сам по себе свидетельствует о неоднозначности японской конституционно-правовой доктрины:

1. Государственные символы Японии – это регламентированные Конституцией, специальными законами и иными социальными нормами (нормами синтоистской религии, обычаев и традиций) отличительные знаки японского государства.

2. Государственные символы Японии отражают интересы и определяют политическое поведение участников конституционно-правовых отношений, которое в значительной степени подвержено влиянию национальных политических ценностей. На основании представленности определенных политических ценностей в массовом сознании можно предсказывать политическое поведение населения, поэтому эмоциональные компоненты репрезентации мифологизированных политических ценностей в массовом сознании японцев способны оказывать большее влияние на полити-

ческое поведение, чем набор актуальных политических ценностей.

3. Отношение к власти и ее символам в Японии отличается от типичного представления о них в других странах современного мира. Целесообразно выдвинуть одну важную гипотезу, которая может идти вразрез с привычным образом оценки политической, государственной и конституционно-правовой действительности современной Японии. Нормы-символы, регламентирующие статус императора в современной Конституции и органических законах Японии, выполняют функцию констатации представлений об абсолютной (в специфическом синтоистском понимании) власти императора и предназначены для самоидентификации японской нации.

4. В Конституции Японии содержится небольшое количество юридических норм, регламентирующих национальные и государственные символы. Между тем подобные нормы имеют особое функциональное предназначение в механизме государственного и правового регулирования, обладают особой юридической природой, имеют особое (неоднозначно толкуемое) место в системе конституционных установлений. Предназначение таких норм очень трудно определить. При этом рассматриваемые правовые конструкции обладают целым рядом признаков, свойственных для любых правовых норм-символов, которые позволяют назвать рассматриваемые факты именно правовыми нормами.

5. Данные нормы имеют как словесную, так и конклюдентную визуализацию (форму выражения), однако конклюдентная форма в тексте юридических документов Японии выражена не в полной мере и не содержит всех необходимых критериев, отражающих возможности ее буквального истолкования. Можно сделать вывод о наличии в конституционно-правовых нормах о государственной символике Японии признаков юридико-лингвистической неопределенности.

6. В соответствии с Конституцией Японии любые конституционные предписания имеют общеобязательный характер и подлежат защите с использованием всех доступных государству средств и способов (ст. 12 и 14 Конституции Японии). В конституционном законодательстве Японии нормы, регламентирующие государственные символы, отличаются по своему предназначению от норм-правил, норм-принципов, норм-дефиниций, норм-целей, норм-задач, норм-программ.

Конституционно-правовые нормы о государственных символах Японии – особая правовая дефиниция, предполагающая регламентацию социальных отношений, складывающихся по поводу власти (например, принадлежность, организация, территориальные границы власти); отношений взаимодействия с властью (например, участие граждан в осуществлении власти посредством их политических прав, различные формы контроля народа над властью); отношений, касающихся ограничения власти. Для Японии нормы-символы выполняют функцию юридического оформления признаков государственного суверенитета.

7. Конституционно-правовые нормы о государственных символах Японии направлены на установление принципиальных отправных точек и мировоззренческих постулатов формирования правовой политики государства. Данные нормы обеспечивают стратегическое управление социальной структурой, которое опирается на человеческий потенциал как на основу организации.

8. Конституционно-правовые нормы о государственных символах Японии – это средство правового регулирования, которое представляет собой единство социологического, нормативного и практического аспектов. Оно начинается тогда, когда в целях, содержании, требованиях закона или нормативного правового акта фиксируется назревшая общественная потребность в упорядочении взаимосвязей и взаимодействий людей, причем определенным образом (моделью, логической структурой) и в определенном направлении. Конституционно-правовые нормы о государственных символах Японии выполняют функцию сакрализации природы публичной власти при помощи метафизических приемов.

9. Конституционно-правовые нормы о государственных символах Японии – это специфическая интерпретация японской религиозной системы, которая возникла из архаических культовых обрядов и испытала на себе воздействие китайских, индийских и даже монгольских учений, постепенно формируя собственно японскую ритуальную практику, влияющую на образование государственных институтов. Государственная символика Японии, испытывая на себе влияние большей части недавних перемен в жизни японского народа, в свою очередь, оказывает воздействие на них.

10. Конституционно-правовые нормы о государственных символах Японии являются

маркерами и драйверами последующего правового регулирования, и именно поэтому они выполняют роль интересов самого правового регулирования. □

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батбаяр Ц. Монголия и Япония в первой половине XX века. Улан-Удэ : Издат.-полиграф. комплекс ВСГАКИ, 2002. 229 с.
2. Бачурин А. С. Методологические проблемы изучения синтоизма // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. 2004. № 4. С. 19–31.
3. Галкина Д. В., Юрковский А. В. Ценности и антиценности в Конституции Японии // Проблемы современного российского законодательства : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Иркутск, 2015. С. 78–80.
4. Георгиев Ю. Закулисный реформатор эпохи Мэйдзи // Электронный журнал «Япония сегодня». URL: japantoday.ru/arch/jur№al/0106/10.shtml (дата обращения: 15.01.2024).
5. Косарева Т. Государственные символы Японии. URL: <http://info-japan.ru/articles/gosudarstvennye-simvoly-yaponii> (дата обращения: 07.01.2024).
6. Круляк М. И., Арешидзе Л. Г. Японский национализм. Идеология и политика / РАН, Ин-т востоковедения. М. : Междунар. отношения, 2012. 401 с.
7. Кузнецов С. И. Ясукуни дзиндзя как символ японского национализма // Россия и Восток: взгляд из Сибири в начале тысячелетия : материалы и тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск : Отгиск, 2002. С. 101–105.
8. Маркарян С. Б. История взаимоотношений религии и государства в Японии // Япония. 1998–1999. М., 1999. С. 66–83.
9. Мордовцева Т. В. Культурологический смысл юридической категории «традиционная религия» и ее альтернативы в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 18–21.
10. Накамура Кооя. История Японии : сб. ист. произв. / под ред. И. А. Настенко. 4-е изд., стер. М. : Рус. панорама, 2006. 503 с.
11. Панов А.Н. Институт императора и его место в государственной системе современной Японии // Япония. Ежегодник. 2012. № 41. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-imperatora-i-ego-mesto-v-gosudarstvennoy-sisteme-sovremennoy-yaponii> (дата обращения: 16.01.2024).
12. Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/8673 (дата обращения: 16.01.2024).
13. Школьный словарь иностранных слов : пособие для учащихся / В. В. Одинцов, Г. П. Смолицкая, Е. И. Голованова, И. А. Васильевская, под ред. В. В. Иванова. М. : Просвещение, 1983. 207 с.
14. Юрковский А. В. Категория «интересы» в конституционном праве Японии // Академический юридический журнал. 2016. № 1 (63). С. 46–52.
15. Blum M.L. The Sangoku-Mappō construct. Buddhism, nationalism, and history in medieval Japan // Discourse and Ideology in Medieval Japanese Buddhism. N. Y., 2006. P. 31–51.
16. Takekoshi Y. The Economic Aspects of the History of the Civilisation of Japan. London, 1930. 1632 p.

REFERENCES

1. Batbayar Ts. *Mongoliya i Yaponiya v pervoj polovine HKH veka* [Mongolia and Japan in the first half of the twentieth century]. Ulan-Ude, Publishing house – polygraph. Complex VSGAKI, 2002, 229 p. (in Russian)
2. Bachurin A.S. Metodologicheskie problemy izucheniya sintoizma [Methodological problems in the study of Shintoism] *Religiovedenie. Nauchno-teoreticheskij zhurnal* [Religious Studies. Scientific and theoretical journal], 2004. no. 4, pp. 19–31. (in Russian)
3. Galkina D.V., Yurkovsky A.V. Cennosti i anticennosti v Konstitucii Yaponii [Values and anti-values in the Japanese Con-

stitution]. *Problemy sovremennogo rossijskogo zakonodatelstva* [Problems of modern Russian legislation]. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference. Irkutsk, 2015, pp. 78-80. (in Russian)

4. Georgiev Yu. Zakulisnyj reformator epohi Mejdzi [Behind-the-scenes reformer of the Meiji era]. *Elektronnyj zhurnal «Yaponiya segodnya»* [Electronic magazine “Japan Today”]. Available at: japantoday.ru/arch/jur№al/0106/10.shtml (Date of access: January, 15, 2024). (in Russian)

5. Kosareva T. *Gosudarstvennye simvoly Yaponii* [State symbols of Japan]. Available at: <http://info-japan.ru/articles/gosudarstvennye-simvoly-yaponii> (date of access: January, 07, 2024) (in Russian)

6. Krupyanko M.I., Areshidze L.G. *Yaponskij nacionalizm. Ideologiya i politika* [Japanese nationalism. Ideology and politics: scientific publication of the Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies]. Moscow, Intern. Relations Publ., 2012, 401 p. (in Russian).

7. Kuznetsov S.I. *Yasukuni dzindzya kak simvol yaponskogo nacionalizma* [Yasukuni jinja as a symbol of Japanese nationalism]. *Rossiya i Vostok: vzglyad iz Sibiri v nachale tysyacheletiya* [Russia and the East: a view from Siberia at the beginning of the millennium]. Materials and abstracts of reports. to international scientific-practical conf. Irkutsk, Ottisk, 2002, pp. 101-105. (in Russian)

8. Markaryan S. B. *Istoriya vzaimootnoshenij religii i gosudarstva v Yaponii* [History of the relationship between religion and state in Japan]. *Yaponiya* [Japan]. 1998-1999. Moscow, 1999, pp. 66-83. (in Russian)

9. Mordovtseva T.V. *Kulturologicheskij smysl yuridicheskoy kategorii “tradicionnaya religiya” i ee alternativy v rossijskom zakonodatelstve* [Culturological meaning of the legal category “traditional religion” and its alternatives in Russian legislation]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie* [State power and local self-government], 2013, no. 12, pp. 18-21. (in Russian)

10. Nakamura Kooya. *Istoriya Yaponii* [History of Japan: collection. ist. prod. Ed. by I.A. Nastenka. 4th ed., erased. Moscow, Rus. Panorama Publ., 2006, 503 p. (in Russian)

11. Panov A.N. *Institut imperatora i ego mesto v gosudarstvennoj sisteme sovremennoj yaponii* [The institution of the emperor and its place in the state system of modern Japan]. *Yaponiya. Ezhegodnik* [Japan. Yearbook], 2012, no. 41. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/institut-imperatora-i-ego-mesto-v-gosudarstvennoj-sisteme-sovremennoj-yaponii>

(date of access: January, 16, 2024). (in Russian)

12. *Slovary i enciklopedii na Akademike* [Dictionaries and encyclopedias on Academician]. Available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/8673 (date of access: January, 16, 2024). (in Russian)

13. Odintsov V.V., Smolitskaya G.P., Golovanova E.I., Vasilevskaya I.A. *SHkolnyj slovar inostrannyh slov* [School dictionary of foreign words: a manual for students]. Ed. by V.V. Ivanova. Moscow, Education Publ., 1983, 207 p. (in Russian)

14. Yurkovskiy A.V. *Yurkovskij A.V. Kategoriya “interesy” v konstitucionnom prave Yaponii* [Category “interests” in Japanese constitutional law]. *Akademicheskij yuridicheskij zhurnal* [Academic Law Journal], 2016, no. 1 (63), pp. 46-52. (in Russian)

15. Bloom M.L. *The Sangoku-Mappo construct. Buddhism, nationalism, and history in medieval Japan. Discourse and Ideology in Medieval Japanese Buddhism*. NY, 2006, pp. 31-51.

16. Takekoshi Y. *The Economic Aspects of the History of the Civilization of Japan*. London, 1930, 632 p.

Статья поступила в редакцию 07.01.2024; одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 09.02.2024

Received on 07.01.2024; approved on 19.01.2024; accepted for publication on 09.02.2024

Юрковский Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Россия, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), ORCID: 0000-0002-0926-8965, ResearcherID: AAH-4911-2021, РИНЦ AuthorID: 499288, e-mail: avyurkovsky@mail.ru

Yurkovskiy Alexey Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (1, Shevtsova st., Irkutsk, 664035, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-0926-8965, ResearcherID: AAH-4911-2021, RSCI AuthorID: 499288, e-mail: avyurkovsky@mail.ru